

Содержание

СЕНТЯБРЬ

Бабье лето 11

ОКТЯБРЬ

Подготовка 27

Горячая вода 48

Байки о призраках 67

НОЯБРЬ

Метаморфоза 79

Оцепенение 90

ДЕКАБРЬ

Свет 109

Середина зимы 119

Богоявление 138

ЯНВАРЬ

Темнота 157

Голод 174

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕВРАЛЬ

Снег	187
Холодная вода	204

МАРТ

Пережить бурю	227
Песнь	247

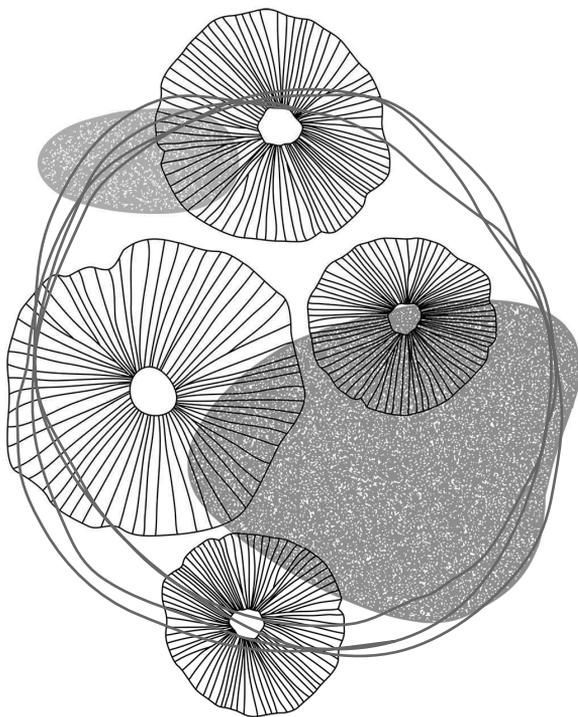
ЭПИЛОГ. КОНЕЦ МАРТА

Оттепель	269
Благодарность	282
Примечания	284

*Вот над землей с веснушками проталин
Грачи кричат и видят с высоты
Верхушки вяза, нежной, как цветы,
То, что пока внизу мы не узнали:
Зима прошла, и холод нас оставил.*

Эдвард Томас, «Оттепель»¹

¹ В переводе Карины Ан.

Сентябрь

Бабье лето

Бывает, что зима выдается очень солнечной. Вот и эта началась ослепительно-безоблачным сентябрьским днем за неделю до моего сорокалетия. Мы отмечали его с друзьями на фолкстонском¹ пляже, врезающемся в Ла-Манш, словно пытающемся дотянуться до Франции. Это было начало двухнедельного кутежа с шумными обедами и дружескими попойками. Я надеялась, что так мне удастся избежать необходимости закатывать один большой праздник, будет легче шагнуть в новую пору моей жизни. Теперь снимки, сделанные в тот день, кажутся мне абсурдными. Словно предчувствуя грядущие перемены, я запечатлела приморский городок, купающийся в лучах теплого сентябрьского солнышка. И прачечную со старинной вывеской, мимо которой мы случайно прошли по пути от стоянки до пляжа. И пляжные зонтики на бетонных опорах, выстроившиеся вдоль побережья. И наших ребяташек, прыгающих, взявшись за руки, через береговую линию — прямо в невозможно синее море. И ванночку с мороженым со вкусом «цыган-

¹ Ф о л к с т о н — город и порт в английском графстве Кент.

ЗИМА НЕ БУДЕТ ВЕЧНОЙ

ского торта»¹, которое я уплетала, пока они играли. Но нет фотографий моего мужа — Х. В самом этом факте нет ничего удивительного: я без остановки снимала своего сына, Берта, и море. Но удивительно то, что эта фотолакуна продолжалась ровно два дня и закончилась с фотографией Х. на больничной койке с вымученной улыбкой на лице.

Уже на этом райском пляже Х. стал жаловаться на самочувствие. Я не придавала этому особого значения: когда в семье есть маленький ребенок, нужно постоянно быть готовым к очередной атаке паразитов, вызывающих боль в горле, сыпь, заложенность носа и резь в желудке. Х. и сам не слишком паниковал. Но после обеда, когда ему кусок в горло не лез, мы отправились на игровую площадку на вершине утеса. Х. на некоторое время скрылся. Я сфотографировала Берта в песочнице — к его плавкам, словно хвост, прицепились водоросли. Вернувшись, Х. признался, что его вырвало. «О нет!» — помню, вскричала я, стараясь вложить в голос как можно больше сочувствующих ноток, но внутренне испытывая досаду. Теперь ему придется уехать домой и лечь спать. Х. держался за живот, но вид у него, учитывая обстоятельства, был не слишком обеспокоенный. Я совсем не торопилась уезжать, и, наверное, это было заметно, потому что я отчетливо помню свое потрясение, когда один из наших друзей — из тех, с кем мы дружили еще

¹ Бисквитный торт, который готовится с использованием сгущенного молока.

СЕНТЯБРЬ

со школы, — тронув меня за плечо, сказал: «Кэтрин, кажется, Х. совсем плохо». «Правда? — спросила я. — Ты и правда так думаешь?» Обернувшись, я увидела лицо Х., искаженное гримасой, с выступившей на лбу испариной. «Пойду за машиной», — сказала я. Даже к тому моменту, как мы приехали домой, я все еще отказывалась верить в то, что это не обычный норовирус. Х. лег в постель, а я попыталась чем-то занять Берта, которого так внезапно лишили веселья на пляже. Но спустя пару часов Х. позвал меня — спальня была на втором этаже, — и я увидела, что он одевается. «Кажется, мне нужно в больницу», — сказал он. От удивления я рассмеялась.

Х. сидел на пластмассовом стуле в приемной, с катетером в руке, и вид у него был совершенно несчастный.

Рядом с ним ждали своей очереди игроки в регби со сломанными пальцами, пьяницы с избитыми лицами, старики в инвалидных колясках, которых сиделки отказывались везти обратно в дома престарелых. Я оставила Берта на соседей, пообещав вернуться через пару часов, но вскоре написала сообщение с просьбой присмотреть за ним до утра. Домой я уехала уже за полночь, а Х. так и не определили в палату.

В ту ночь я не могла сомкнуть глаз. Вернувшись в больницу на другое утро, я обнаружила, что дела у Х. совсем плохи: его лихорадило, и он был совершенно потерян. За

ЗИМА НЕ БУДЕТ ВЕЧНОЙ

ночь боль усилилась, но самый пиковый момент пришелся на пересменок, и ему даже не дали обезболивающего. А потом у него лопнул аппендикс. Он почувствовал это и закричал, но в ответ дежурная сестра лишь отчитала его за грубость и паникерство. Тут пришлось вмешаться его соседу по койке. «Бросили его, беднягу, в ужасном состоянии», — посетовал он из-за ширмы.

Казалось, никто и не собирается делать ему операцию. Х. испугался. Мне тоже стало страшно, словно в мое отсутствие произошло что-то ужасное и непоправимое. А ситуация меж тем продолжала ухудшаться: врачи и медсестры сновали вокруг как ни в чем не бывало, как будто это нормально, когда у тебя внутри взрываются органы, — лежи и не дергайся. Внезапно я ощутила прилив ярости, а вместе с ней — страх, что могу его потерять. Было совершенно очевидно, что у его постели должен быть кто-то, кто смог бы его защитить. Что я и сделала. Я сидела рядом, наплевав на приемные часы, и, когда его боль стала совсем невыносимой, начала ходить по пятам за дежурной сестрой до тех пор, пока та не обратила на нас внимание. Обычно я стесняюсь даже пиццу заказывать самостоятельно, но тут было совсем другое дело.

Это было самое настоящее противостояние: либо я, либо они. Страдания и боль моего мужа против их жесткого графика. И я не собиралась сдаваться.

СЕНТЯБРЬ

В тот вечер я уехала домой в девять часов и каждый час звонила, пока не убедилась, что он наконец лежит на операционном столе. Мне было все равно, что я не даю им покоя. Добившись своего, я легла в постель, но не могла уснуть, пока мне не сообщили, что операция прошла успешно и он снова в палате. Хотя и после этого сон не приходил. В такие моменты, засыпая, как будто проваливаешься в черную бездну — лишь для того, чтобы потом рывком проснуться, судорожно озираясь в темноте, как будто силясь разглядеть что-то потустороннее. Но со мной были лишь мои страхи: невыносимая мысль о том, что ему больно, и боязнь остаться одной, без него.

Всю неделю я отвозила ребенка в школу, затем мчалась в больницу и не отходила от его постели, пока не наступало время забирать сына. Я слушала, как хирург рассказывает об уровне заражения его крови, и испытывала нечто вроде священного трепета. Я была рядом и не находила себе места, когда у Х. никак не спадала температура, а уровень кислорода в крови никак не восстанавливался до нормальной отметки. Вместе с ним я медленно ходила по палате, а потом смотрела, как он засыпает, иногда буквально посреди фразы. Я переодевала его в чистое и приносила еду — понемногу. Я старалась успокоить Берта, испуганно смотрящего на отца в паутине проводков, капельниц и датчиков. Внезапно посреди этой катастрофы словно образовалось параллельное пространство, сотканное из часов, проведенных за рулем машины по дороге из дома в больницу и из